

Tinkoff 2002

Зачем они приходят в этот мир?..

С. КРОТОВ

В ОЗМОЖНОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО ОТКРЫТИЯ... Это дано всем. Каким-то шифром в человека заложен мощнейший аппарат – не приспособления, не мимикрии, а постижения, разгадывания мира, обустройства его через собственные постоянные открытия. Если это устремление обжечь, осечь – раз, другой, третий, – оно уходит, забивается куда-то, в пятку, в мизинец ноги, и вы никогда человека уже не растормошите, ничему его не научите. Никогда человеком – в том смысле, в каком это заложено, – он уже не станет.

Как это ни парадоксально, ребенок – едва ли не единственное подлинно творческое существо. В том самом своем первородном состоянии, в котором он явился миру и открыл глаза, уши... Он все познает, все изучает, ничто его не пугает, не останавливают никакие правила, заборы, пределы. В рисунке ребенка, одном из первых его художественных опытов, уже просматриваются какие-то неожиданные сочетания, безбоязненность, смелость. Проявляется то, что в ребенке уже есть, – бесконечная палитра возможностей.

Именно поэтому человека в детстве надо как можно дольше оставлять наедине с собой, с природой, со своими органами чувств, которые не просто так ему даны. Они же за всю эволюцию как-то отработывались, отбирались, отлаживались. И образование, как мне кажется, призвано по возможности максимально продолжить это каждодневное «открывание», живущее в ребенке самовидение, самоудивление, сохранить некое внутреннее подвижное увеличительное стекло. Иначе дальше включается система образования, построенная на ограничительности и запретительности (я имею в виду, конечно, не поведенческие вопросы), возникают «нельзя», «это надо так» и прочее... Начинается эра приборов, устройств, кем-то уже сконструированных для того, чтобы он, взглянув сквозь стеклышко микроскопа, вдруг увидел, что у букашки, допустим, шесть ножек. Но куда более плодотворно было бы для него, будущего, чтобы каким-то чудом он вдруг набрался наглости и сам захотел изыскать способ обнаружить те же шесть ножек, но собственным способом!

Если мы говорим о человеческой личности не абстрактной, а живой, детской, не зачахнувшей, творческой, то мне представляется, что каким-то хитрым, тонким образом с самых исходных пор человека надо увлечь, раззадорить, может быть, иногда охладить

или, напротив, поднять температуру, но создать условия, при которых формирование этого «чего-то» происходило бы в его душе наиболее оптимально. Жизнь короткая, и чем благоприятней будут эти условия, тем больше человеку откроется. Человек научается только сам. И в этом, мне кажется, корень всего. Только тогда, когда он сам почувствует, сделает, добьется, поймет что-то, он может сказать: «Да, я научился». И это не то же самое, что удачно повторить, скопировать. Это должно прорасти, проклюнуться, стать своим. А это зависит только от себя самого. От учителя – лишь в той степени, в какой он этому поможет, вовремя подтолкнет, вызовет ту сидящую внутри возможность. Он должен выступить в роли дирижера-импровизатора, виртуозно прикасающегося к регистрам детской души...

Хорошо известно, что обучать можно только тех, кто к этому имеет склонность. Но парадокс в том, что тот, кто к знаниям предрасположен, все равно к ним так или иначе, рано или поздно придет. Необходимо лишь максимально благоприятствовать общей ситуации, в которой ребенку открывается мир. Направлять, но, по возможности, невидимо. Присутствовать, но не явно, давая действовать в основном самому. Ребенок способен пройти лабиринт познания уже потому, что в нем на генетическом уровне есть устройства, для этого предназначенные.

Мы делаем детей заложниками, если указываем им только одну дорогу, заведомо обрекая на то, что они дойдут до тех вершин, которые уже открыты. Не с того мы начинаем учить. Например, основные понятия физики. Ведь это прежде всего – время, пространство, свет... Надо не бояться прививать ощущения смысла во всем. Людей же, обучая, как правило, максимально отдаляют от того, что это такое, превращают познание в некое упражнение на запоминание. Все начинается с формализации, сухих определений, отсекая с порога саму возможность блуждания мысли, ее круги, зигзаги... Все направлено на то, чтобы создать некий желоб, по которому потом потечет мысль.

Но это ли главное? А где размышления, рассуждения, вопросы? Солнце взошло. А что если когда-то не взошло (как, например, полярной зимой)?! Где эти всякого рода фантазии, пусть даже дурные, но подкрепляемые реальными парадоксами, противоречиями? По какому такому праву мы, порой не задумываясь, загоняем безбрежный простор детских фантазий в

прокрустово ложе наших представлений о том, как их надо учить?

...Как удивителен слегка ранящий, проникающий в глаза, сквозь глаза едва ощутимый поток видимого тепла... Это свет... Он удивительным образом несет уверенность, спокойствие, защиту... Да, он может вести, за него можно держаться. Он никогда не даст нам потеряться...

...Или, мы то и дело прибегаем к необходимости упоминать время. Мы постоянно ощущаем себя в плену у времени, оно незримо обволакивает нас. А зачем нам время? Оно – что? Где-то рядом, само по себе, или это мы его выдумываем всякий раз, когда набрасываем на себя его невидимое покрывало? А вот если бы человек очутился вдруг один на один с природой, возникла бы у него потребность-необходимость упоминать, ощущать, созерцать время? Цветы раскрываются, а потом закрываются, гусеница со свойственным только ей ритмом вползает-превращается в прелестную бабочку, сперматозоид в своем броуновско-эйнштейновском блуждании жадно ищет и наконец находит яйцеклетку, исчезает в ней, вместе с ней, а дальше все опять и опять возобновляется... Этот дурацкий круговорот, а скорее всего бешеная спираль, которая лишь в малом (локальном, как говорят физики) напоминает бег по кругу (а может быть, на месте?), это и есть... время. По-видимому, это одна из фундаментальных категорий для обозначения соразмерности, сравнительности, сопоставимости, соучастия. Оно нам нужно как логически-понятийный атрибут, выражающий взаимоочередность, структурно-изменчивое упорядочение, строй... С точки зрения природоосмысления-натурфилософии, время дуально (парно) энергии. Поэтому если энергия, то и время, если время, то и энергия (поток, переход, превращение). А может быть, сначала энергия, а потом (а что значит «потом» – да конечно же, вместе, вкупе) время? Время обнаруживается-проявляется при перетекании-поглощении энергии. Если энергия не потребляется, то и время не течет – наступает тепловая (энергетическая) пауза, и если навсегда, то это смерть? Жизнь – это потребление, превращение, преобразование энергии, а значит, сама жизнь – это и есть время.

Больше всего нас трогают переживания. Они постоянно влекут нас, провоцируя впасть в перманентный катарсис. Переживания-фантомы вообще могут улетать от действительности и жить сами по себе, создавая виртуальный мир наших чувствований. Но только через нереальный мир наших реальных ощущений мы идем по жизни. Мы все время подвижны желаниями вторгнуться в ранее неизведанное и неперечувствованное, мы полны предчувствий всевозможных ранее непознанных переживаний, мы осваиваем пространство.

По-видимому, все это и создает в нас ощущение своей самооценности по сравнению с безжизненным камнем. Возбуждать желание мыслить – вот где суть, назначение, основа всякого начального образования.

Как добиться того, чтобы дети не чувствовали себя скованными, чтобы мозги формировались, оставаясь все время открытыми для раздумий, каких-то мисти-

фикаций, воображения? Лекарством, охранительным средством, противоядием здесь может служить игровая форма. Она благодаря своим непредвиденным поворотам сохранит, максимально отодвинет момент застывания, оградит от выработки в себе приверженности к однонаправленности в познании.

Левое полушарие мозга, отвечающее за рациональное в человеке, предполагает постепенное овладение знанием, с более или менее ясным представлением, куда ты движешься. Реакция же от деятельности правого, связанного с эмоциями, образным восприятием, интуицией, – мгновенная. В массе постоянно накапливаемых знаний вдруг внезапно возникает мгновенный проблеск, озарение, непредвиденным заранее образом реорганизуящее все то, что терпеливо собиралось и бережно вынашивалось. Именно этот гениальный механизм, заложенный природой, и отвечает за научение. Благодаря ему существует свойственная только людям уникальная возможная двигаться по драматически захватывающему пути познания, полному счастья и разочарований, взлетов и падений. Все здесь непредсказуемо.

Когда-то давно на Женевском озере неведомым образом был случайно поврежден проходивший по дну водопровод. Со дна озера стала бить огромная струя. Потом водопровод починили, но нашлись умные люди, которые специально для потомков (в назидание) оставили посреди озера этот удивительный, грандиозный фонтан высотой около 30 метров. (Потом его стали копировать в других городах и странах.) На ветру этот фонтан принимает форму гигантского уединенного паруса – огромной водяной простыни из восходящих водяных струй, создавая ощущение неукротимой стихии. Зрелище очень красивое и захватывающее. Но самое удивительное, что, когда светит яркое солнце, на берегу озера всегда есть место, откуда можно видеть в фонтане настоящую радугу. И по мере того как солнце движется по небосклону, то самое замечательное место на берегу, оставаясь на одной прямой с парусом и солнцем, также меняет положение – «движется».

Во всей этой физике (достаточно плотная огромного объема водяная пыль, яркий свет...), позволяющей при желании стать свидетелем исключительного атмосферного явления (с которым, кстати заметить, древние связывали особое расположение богов), будто бы запечатлена многовековая история – исследования, многочисленные суеверия, попытки разгадать тайну происхождения радуги И в то же время природная тайна – стихия – становится постижимой, появляется ощущение ее подвластности человеку... Это ведь заманчивее и увлекательнее всего, чего угодно, любого шоу, аттракциона! Вот она, если хотите, игра с самой природой. А ведь в обычной жизни не так-то просто наблюдать радугу. На Женевском же озере это чудо возобновляется каждый день. И вообще, там легко увидеть даже не одну, а две радуги, причем одна обычная, а другая – как бы первая, вывернутая наизнанку. Такие впечатления сильнее всего сближают с миром, лишней раз подтверждают, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать (о чем иногда забывают в школе).

Сегодня многие сделали ставку на компьютер и на компьютерные игры. Но компьютерные игры – это же головоломки, забава (очень даже недурная). Они причисляются к игре только потому, что заранее неизвестно, сколько и зачем будет потрачено времени. Это нечто неживое, холодное, абсолютно алгоритмизированное, где всему есть разгадка. А настоящая игра – это интеллектуальная задача с неизвестным решением, ни одна из участвующих сторон до самого конца не знает, кто победит. Шансы игроков, пока идет игра, равны.

Компьютер, на самом деле, еще не состоялся. Это устройство на сегодняшний день вне поля истинного творчества. Изображение, которое выдает компьютер, это не картина. Это не живопись, не произведение искусства. Он лишен тайны, откровения. Его можно разложить до последней ячейки. Там слишком мало места для непредсказуемого, для чуда процесса познания. Компьютер может выдать вам только то, что вы в него заложили. Проблема лишь в увеличении плотности упаковки.

Он феноменально полезен, может быть, даже незаметно, когда вы уже кем-то стали, когда вы уже знаете, что я – это я, когда ваше «я» уже не так просто сломать. Тогда вы можете смело ступить на любую территорию этого чрезвычайно емкого хранилища, вмещающего бесконечное число вещей. Если же вы не готовы, общение с компьютером способно подавить, обернуться наваждением, превратиться в навязчивую идею.

Однажды мне в руки попала книга. Она называлась «Искусство и физика. Параллельное видение времени, пространства и света». Написал ее американец Леонард Шлэн, который, как выяснилось потом, когда я с ним списался, человек двух образований – хирург и архитектор. То есть, с одной стороны, естествоиспытатель – технарь, рукодел, а с другой стороны – человек, для которого важна художественная образность. Одна из идей, которую он проповедовал в хирургии, состояла в том, что удачу операции определяет красота шва. Она, по его убеждению, гарантирует, что вторжение в природную тайну и последующее заживление пройдут бесследно. Мне кажется, что этот человек действительно прочувствовал идею единства науки и искусства.

Со своей маленькой дочерью Шлэн однажды оказался в ньюйоркском художественном музее «Метрополитэн». При обсуждении увиденного в музее на некоторые из вопросов дочери он не смог дать быстрых и убедительных ответов. Детски наивному глазу ребенка кое-что из увиденного показалось не соответствующим действительности. Да и вообще было непонятно, как такие вещи могут нравиться, а если нет, то зачем они... и что такое тогда вообще – искусство? В результате бесконечных размышлений и появилась книга.

В ней автор показывает, что всему тому феноменальному, что вообще происходило в науке, и в частности научным революциям XX века – открытию квантовой механики, атомной физики, теории относительности, – всегда предшествовали некие творческие прозрения в искусстве. Параллель эта, по мнению автора, идет еще от древних греков, от Аристотеля к Декарту, Ньютону и доходит до сегодняшнего времени.

Он проследивает эры, эпохи, стадии, эволюции и откровения в развитии искусства и вслед за этим – эпохи естествознания, вехи в научном осознании мира, в развитии структуры научного мышления. Это позволило ему вывести совершенно четкую закономерность: всем научным открытиям как правило предшествовало некое чувственное озарение, художественное открытие, овладение новой системой художественных образов. Изменяющийся взгляд на мироустройство каждый раз вырастал из господствовавшего в искусстве стиля, главным образом живописного языка, из философского, духовного воззрения на окружающий мир, его чувственного восприятия, воплощенного во фресках, живописных полотнах, других пластических формах.

Вероятно, и учить ребенка нужно, учитывая это глубинное «предшествование», первичность искусства. Искусство, конечно же, несет основную функцию соучастия в жизни человека. Но в школе если и учат искусствам, то в изоляции от остального знания. Законы природы – это само по себе, а все, что касается эмоций, – само по себе. В школе начинают с того, что учат читать, писать, складывать, а вот видеть, слышать, переживать – едва ли... Общая идея, заложенная в образовании, апеллирует, безусловно, к примату естественно-научного знания, и поэтому все должно быть логично, упорядочено, строго. Лишь в детском саду еще могло быть место «баловству», чудачествам, всякого рода глупостям. Но уже в начальной школе баланс умственного и эмоционального непоправимо нарушается в пользу первого. А ведь без чувственной основы, не взращенный и не закрепленный эмоционально, весь получаемый жизненный опыт пуст. Школа занимается подготовкой будущих ремесленников. Считается, что если даже медведя заставить повторить что-то 17 раз, то и он запомнит. Когда образование превращается в дрессуру, опирается лишь на тренированность – оно теряет смысл.

Все научные революции последних столетий вырастали на отрицании линейной однонаправленности, примата логического в познании, на утверждении того, что свойственно образному мировосприятию. Все было устремлено к тому, чтобы восстановить нарушенный баланс, уравновесить, привести логическое (рациональное) и интуитивное (творческое) к целостности, которая, с одной стороны, как бы оставляет тебя на земле, все время дает понять, что ты еще здесь, но в то же время уводит в эмпирию чувствования, предлагает все время какие-то расширяющиеся, бесконечные горизонты, приближающие к идеалу, абсолюту.

В сущности, и школа должна прежде всего помочь ребенку ощутить в себе внутренние силы, привнося в любую деятельность духовную составляющую, живое чувство.

Возраст человека – это его шагреневая кожа. Основная несущая нас гибкая опора-конструкция – позвоночник, и та с возрастом костенеет. Но чем дольше будут оставаться нетронутыми тонкие душевные ткани ребенка, извечный нежный хорд, тем теснее будет его связь со всей Вселенной...